

Фото: Александр Барошин

19.03.2014, 10:46

ИНТЕРВЬЮ

Михаил Поздняков: «Большая часть дел у нас открыта, но никто не ходит на заседания»

Своими соображениями о ситуации с гласностью и открытостью судов делится научный сотрудник Института проблем правоприменения **Михаил Поздняков**.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

Какова, на ваш взгляд, ситуация с открытостью в российских судах в принципе, вне связи с «Болотным

делом»? Насколько ситуация с «Болотным делом» соответствует законодательству?

По большому счету все упирается в инфраструктурные ограничения, в размеры помещений. Большая часть дел у нас открыта, но они никому не интересны, в 99% случаев никто не ходит ни на какие заседания. Из-за большого потока дел выработалась практика рассматривать гражданские дела вообще в кабинетах, и никого это не волнует. Необходимость доступа большого числа людей возникает в единичных случаях — дела с присяжными и какие-то случайные громкие дела. В этой ситуации ищут варианты, но физически всех вместить невозможно, поэтому включаются какие-то правила и ограничения. Плюс у нас есть еще объективное ограничение: без документа, удостоверяющего личность, в суд не попадешь. Тут возражений на самом деле нет — это в целях безопасности.

Законно ли при допуске на заседание дифференцировать пришедших по категориям: родственники — не родственники, журналисты — не журналисты?

У нас есть общее правило — все заседания открытые, но всегда включаются какие-то реальные ограничения. Миллион человек не войдет ни в одно помещение, тысяча человек не войдет ни в одно помещение — может быть такой районный суд, где и сто человек не войдет. Выкручиваются с помощью мониторов для трансляции, но тут надо делать поправку на инерцию самой системы — ей тяжело быстро принять такие решения. А насчет того, законно ли... все эти действия опишешь в процессуальном кодексе. Тут уже вырабатывается какая-то разумная практика. Я не исключаю, что выглядит она несколько неуместно, но она существует. Надо еще учитывать такую непростую проблему: если человека пускают в суд на публичное судебное заседание, значит, он должен попасть именно на это заседание, а не ходить по всем

кабинетам. А то, может быть, он, пользуясь правом пройти в суд, попытается в кабинет к судье войти, например. В некоторых судах разделены зоны — публичная и приватная. Но в большинстве-то не разделены, поэтому и существуют правила, которые призваны контролировать поток. Очень сложно все обстоит с судебными приставами: у них очень низкие зарплаты, и после повышения зарплат в правоохранительных органах пошел отток, людей не хватает.

Вправе ли судья в открытом заседании при наличии 20–30 мест в зале ограничить численность публики до 10?

Все детали невозможно урегулировать, есть положение, которое издается в каждом суде и подписывается председателем. Не пускать при наличии мест — это, конечно, перегиб. Вообще-то я не готов поверить, что такое может быть, потому что сами суды заинтересованы в положительном имидже, и если процесс резонансный, то в их интересах создавать как можно меньше препятствий. Какой-то судья может стесняться публичности и будет ограничивать численность, но это неправильно.

А куда можно жаловаться, если судья намеренно ограничивает права? В квалификационную коллегия судей?

Можно жаловаться, можно написать заявление на имя председателя суда. Пожалуйста. Просто пока жалоба будет рассмотрена, ваше заседание давно пройдет.

А почему все-таки случается, что на слушания пускают не всех?

В интересах имиджа судей они должны вообще впускать всех — пусть люди стоят, но зато все будут довольны. Но они на это пойти не могут, потому что уже сложился определенный стиль принятия решений, выработана

практика. Она существует уже лет десять, она неадекватна, а вот решиться ее пересмотреть никто не может. Председатель тоже опасается: если дело резонансное, он находится под давлением, он тоже лишнего шага не сделает — с него будут спрашивать. Произошел какой-то инцидент, драка, с него спросят: а почему вы столько людей впустили? Все перестраховываются. Надо учитывать и такую особенность, что работа судьи, на самом деле, в первую очередь кабинетная. Среди судей очень мало публичных фигур, таких, кто чувствует себя комфортно на публике.

В постановлении Пленума Верховного суда об открытости и гласности судопроизводства сказано, что видеотрансляция заседания должна быть организована при наличии технической возможности у суда. Что имеется в виду под технической возможностью?

Мы возвращаемся к самому первому тезису: эти ограничения объективны. Что такое видеотрансляция? Это нормальная камера, налаженная сеть, наличие каких-то больших мониторов — а это все предполагает и вложения, и наличие специалистов. С ними сейчас тоже в суде не очень — зарплаты низкие. Поэтому и сделана такая оговорка. Но я точно знаю, что по одному громкому процессу при отсутствии финансовых средств была обеспечена эта возможность, хотя никакой реальной возможности не было, никак — ни мониторов, ни денег, ни договоров, ни шансов эти деньги получить, вот такая была ситуация.

Значит, такая возможность теоретически всегда существует?

Теоретически ее никогда не существует. Суды просто выкручиваются по ситуации. Можно посчитать по пальцам, сколько у нас таких судов, которые могут обеспечить видеотрансляцию. Я не знаю, где в стационарном режиме

сети проведены — думаю, районных судов таких вообще не существует, разве что один, образцовый.

В рамках соблюдения принципа гласности не следует ли обязать суды вести трансляцию, когда мест не хватает?

Обязать-то можно, вопрос — как исполнить.

Выделить на это деньги из бюджета.

Чтобы их выделить, надо их откуда-то взять. Никто этим сильно не озабочен, у нас вообще инфраструктурное обеспечение судов очень низкое, оно точечно корректируется, а в целом — ситуация тяжелая.

А соответствует ли в целом ситуация с судебной гласностью международному законодательству? Решениям ЕСПЧ?

По гласности мы вообще впереди планеты всей, как ни странно это прозвучит.

Почему?

У нас свободно ведется аудиозапись. С видео сложнее, существуют требования так называемой внутренней процессуальной тайны. Это сложный вопрос, и он не имеет простого решения. Свидетели не имеют права быть в зале до того, как их вызовут. А если идет видеозапись, то свидетель уже по сути присутствует в зале, то есть принцип нарушается.

Все наши принципы правосудия выработаны в XIX веке, значит, мы должны либо пересматривать их кардинально, либо ограничивать внедрение новых технологий.

По большому счету, ведение тех же твиттер-трансляций уже раскрывает процессуальную тайну. Хотя это, конечно, условное понятие: по большинству дел никакой интриги нету, но в какие-то моменты это может как-то повлиять на ход процесса. Более того, даже если журналист описывает, как проходило заседание, по его окончании, это

тоже некоторый выход за рамки классического понимания правосудия: потому что решения еще нету, а общественное мнение формируется и давит на судей очень сильно. В силу того, что у нас слабые традиции, мы очень легко внедряем разные новшества, в том числе гаджетизацию, видеозапись.

А как в других странах решают вопрос с гласностью?

Как в других странах, детально я сказать не могу, но любая правовая система — закрытая, ее только изнутри можно увидеть. Большинство процессов идет в поточном режиме, и никакой особой гласности на них нет. Насчет видеотрансляции я сомневаюсь — в странах англосаксонской правовой семьи даже фотографировать запрещено.

Вам эти внедрения кажутся скорее позитивными или негативными?

Я отстраненно смотрю на ситуацию: как исследователю мне интересна максимальная публичность. Но я занимался изучением судебной практики и пришел к выводу, что то, что сейчас происходит, в том виде, в котором оно происходит, не нужно никому — а повернуть ситуацию никто не может, потому что никто не может взять на себя ответственность.

А как сейчас вводятся новшества?

Судебные акты сейчас размещаются в интернете, но в половине случаев они лишены важной информации: могут отсутствовать значимые обстоятельства, все это удаляется. Теряется смысл. Это тяжело и выкладывать, и изучать в научном смысле, но эта работа ведется. В результате раздражено и общество, и суды, которые это делать заставляют, и наука толком не использует эти данные. Происходит бессмысленная работа, и в судах формируется мнение, что требуются бессмысленные

вещи, — об этом говорится открыто. Надо всему придавать конкретный смысл, то есть видеть интерес потребителей.

Что вообще, помимо доступа в суд и на судебное заседание, входит в понятие гласности? Вы упомянули открытость информации.

Открытость — это недавнее слово, вообще это всегда называлось гласность или публичность. В принципе, гласность входит в понятие публичности. Доступ на заседание, доступ к информации, право направлять запросы о деятельности суда. Последнее, кстати, активно не применяется — это сложная, длительная процедура, гораздо эффективнее работать с информацией в открытом доступе.

В Великобритании существует отдельное место для публики — балконы. Почему в России такой подход не практикуют?

Это мы в кино видим, а как на самом деле — надо изучать. Но если это внедрять — почему бы и нет — мы опять упираемся в инфраструктуру. Сейчас же далеко не везде выстроены нормальные здания для судов. Балкон — это сложная архитектура, это уже ближе к законодательному собранию. Это вопрос проектирования, строительства, затрат.

То есть вам кажется, что в принципе все упирается в инфраструктуру?

Конечно, затраты, финансирование, можно же в каждом суде сделать два-три больших зала на все случаи жизни, но не факт, что эти большие залы решат проблему.

В целом, могу сказать, что на сегодняшний день многие вещи были навязаны судебной системе сверху, не основывались на изучении возможностей системы, развитии правосудия, не была проведена предварительная работа. А при имеющемся сегодня механизме

законодательной работы детали и какие-то выработанные предложения не могут быть учтены, из-за этого происходят накладки. Крайними оказываются судьи. В каждом конкретном случаи районные суды могут подготовить какие-то свои предложения по результатам инцидентов и претензий, но механизма дальнейшего рассмотрения и учета предложений нет. Поэтому все трения на уровне непосредственно практики ни к чему не ведут, вот в этом проблема.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ